

только игуменом. Эту особенность, как мы старались показать выше, имел и сам подлинник ярославской грамоты, написанный на пергамене и скрепленный черной восковой печатью. Довольно точно воспроизводятся во всех архивных списках и другие древнерусские термины и грамматические формы («докончал есмь», «урекл есмь», «ся. . . вступати», «емлет», «на руке» и т. д.). Важной общей чертой всех архивных списков ярославской грамоты XIV в. является указание на пергамен и черную восковую печать подлинника.

Суммируя в заключение наши терминологические, исторические и архивные наблюдения, можно, думается, с определенным основанием утверждать, что ярославская грамота 1320-х гг. наряду со ссылкой на более раннюю грамоту «деда» адекватно и достоверно передает и сам ее текст, относящийся по крайней мере к концу XIII в. Этот вывод повышает информационное значение документа XIV в., углубляет его историческое содержание.

Рассмотренная нами грамота является ярким свидетельством тесных связей ярославских князей с главным монастырем своего княжества. Федор Ростиславич поддерживал эти связи в сложных политических условиях первых десятилетий татаро-монгольского ига, Василий Давыдович — в стремлении сохранить независимость в начальный период «возвышения Москвы». ⁷⁹ Богатство и важность сюжетов этой грамоты (феодалное землевладение, положение крестьян, товарно-денежные отношения, судебно-административная и налоговая системы и т. д.) свидетельствуют о сохранении общности основных черт развития разных районов Руси и поступательном движении феодальной формации, несмотря на тяжелые условия ордынского ига.

Г. В. СЕМЕНЧЕНКО

УДОСТОВЕРИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ XIV—XV вв.

Систематическое изучение внешней и внутренней формы актов — единственный способ точной интерпретации их содержания, эффективный (и часто единственно возможный) способ воссоздания истории их становления. До сих пор многие разновидности русских актов XIV—XV вв. с дипломатической точки зрения недостаточно изучены, и это затрудняет их использование в исторических исследованиях. Пожалуй, сравнительно лучше изучены полные, кормленные и жалованные грамоты. Подробное дипломатическое исследование данных, купчих, меновных, разъезжих, рядных грамот еще впереди.

⁷⁹ Интересные новые наблюдения над причинами борьбы Ивана Калиты с ярославскими князьями см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории. . . С. 285, 301.

В последние годы возрос интерес к изучению формуляра завещаний,¹ «наиболее распространенного по объему и наполненного реальным содержанием источника актового типа».² Но сделанное — лишь начало в исследовании этой важнейшей разновидности исторических источников. Данная статья посвящена изучению удостоверительной части духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., с которой систематически сопоставляется удостоверительная часть духовных грамот князей московского дома и новгородско-псковских «рукописаний». Заранее оговорим, что исследуются знаки удостоверения подлинности и юридической силы завещания самими ее составителями. Изучение порядка утверждения завещаний высшими церковными инстанциями (митрополичьей или владычной канцелярией) нуждается в специальном рассмотрении.

Вотчинники Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. скрепляли духовные грамоты статьями о послухах, писце грамоты, о запечатывании ее печатью (печатами) и самой печатью (печатами).³ Митрополиты утверждали эти завещания лишь после получения подтверждения со стороны послухов, что грамота писана «перед ними», и со стороны писца, что грамоту писал он.⁴ Прослеживается интерес митрополичьей канцелярии и к печатам. Духовная князя Василия Галицкого 1433 г., дошедшая в списке конца XVI в., заканчивается статьей: «А яз Иван (брат и душеприказчик завещателя. — Г. С.) печатал печатью Воронцовою (очевидно, Воронца Степанова, послуха при духовной. — Г. С.), а поп Яков да Лазарь (послухи при духовной. — Г. С.) хрестцом». Но, описывая духовную, составители троицкой копийной книги конца XVI в. отмечают: «А у грамоты 6 печатей». Каким же образом вместо двух печатей, бывших первоначально на грамоте, на ней появилось шесть печатей? Есть одно правдоподобное объяснение: в митрополичьей канцелярии потребовали, чтобы к духовной привесли печати всех активных ее гарантов — пяти послухов (попов Геннадия и Якова, Самойлы Лукинича, Воронца Степанова, Лазаря Исакова), а также душеприказчика и писца духовной Ивана Васильевича Галицкого.⁵ В подлинниках грамот Есипа Дмитриевича Окинфова и Ивана Юрьевича Пат-

¹ *Кашианов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV—начала XVI в. // ВИД. Л., 1980. XI. С. 238—251; *Андреев В. Ф.* Новгородские духовные XII—XV вв. // Там же. 1982. XIII. С. 131—148.

² *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 72.

³ Акты исторические (далее — АИ). СПб., 1841. Т. I. № 255; Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1952. Т. I. № 11, 38, 108, 228, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 472, 499, 501, 562, 612; 1958. Т. II. № 87, 168, 361, 474; 1964. Т. III. № 28, 67, 67а, 68, 100, 484, 494; Акты феодального землевладения и хозяйства Северо-Восточной Руси (далее — АФЭХ). М., 1956. Ч. II. № 15; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 86.

⁴ АСЭИ. Т. I. № 108, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 499, 562, 612; т. II. № 361, 474; т. III. № 67, 67а, 68, 100, 494; АФЭХ. Ч. II. № 15.

⁵ АСЭИ. Т. I. № 108. С. 87.

рикеева нет заключающей большинство завещаний статьи о запечатывании грамоты печатью.⁶ Но к духовной Ивана Юрьевича на малиновых шнурах было привешено семь печатей, а на отгибе лицевой стороны духовной Есипа Дмитриевича Окинфова заметны следы прикрепления бывших на ней когда-то пяти печатей. Отсутствие статьи о запечатывании этих грамот наводит на мысль, что печати привесили не при составлении духовных, а в момент их утверждения в митрополичьей канцелярии. На трех привешенных к завещанию Ивана Юрьевича печатях указаны имена владельцев. Первая (слева направо) и четвертая печати принадлежали душеприказчикам Ивана — его жене Авдотье и зятю князю Семену Ряполовскому, пятая печать — послуху при духовной, шурина завещателя Ивану Владимировичу Ховрину-Головину. Очевидно, вторая, третья, шестая и седьмая печати принадлежали другим душеприказчикам (сыновьям Ивана — Василию и Ивану) и послухам (Дмитрию Ивановичу Головину и богородскому попу Игнатию). При грамоте Есипа Дмитриевича сидели три послуха (воскресенский поп Михаил, Кощей и Арефа Горло), а писал ее некий Рубец. У Есипа было три душеприказчика — его братья Яков и Тимофей Одинец, а также Григорий Печенегов. Кощей и Арефа Горло в момент «явки» духовной в митрополичьей канцелярии сидели в осаде в Плесе.⁷ Остается как раз пять активных участников оформления грамоты, печати которых, вероятно, и привесили к духовной Есипа Дмитриевича Окинфова.

Степень сохранности источников позволяет учесть в данной статье 31 грамоту вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Из них лишь в духовных митрополита Алексея и Ивана Ивановича Салтыка-Травина нет статей о послухах и писце грамоты. Удостоверительная часть духовной Алексея представлена лишь печатью. Это — самое раннее из дошедших до нас частных завещаний Северо-Восточной Руси (написано в 1365—1378 гг.). Его формуляр в целом (не только удостоверительная часть) отличен от формуляра более поздних грамот. Нестандартность духовной митрополита Алексея скорее всего объясняется недостаточной развитостью в момент ее составления традиции частного завещания на Северо-Востоке Руси.⁸

Духовная грамота Ивана Ивановича Салтыка-Травина не имеет статей о писце грамоты, о запечатывании ее печатью, постановления о «явке» грамоты митрополиту. Эти ее особенности объяснялись по-разному. Н. Н. Покровский и И. А. Голубцов считали грамоту Салтыка-Травина выпиской из духовной па передаваемое в Троице-Сергиев монастырь с. Спасское на Водозе, Л. В. Черепнин и С. Б. Веселовский — не вступившим в силу проектом. Последняя точка зрения, по-моему, справедлива. В тексте грамоты есть статьи (о пе-

⁶ Там же. № 11, 38, 108, 251, 394, 450, 457, 472, 499; т. II. № 168, 361; т. III. № 67, 67а, 68, 404, 484, 494; АФЗХ. Ч. II. № 15.

⁷ АСЭИ. Т. II. № 100; ДДГ. № 86.

⁸ Семенченко Г. В. Духовная грамота митрополита Алексея: (Из истории раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси) // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 7—28; АСЭИ. Т. III. № 28.

редаче с. Шерепова брату Шарпу, о займах и кредитах Ивана Салтыка, о его холопах), ненужные в выписке о передаче Спасского в монастырь.⁹ Итак, перед нами проект духовной, который не вступил в силу: завещаемое в Троице-Сергиев монастырь с. Спасское на Водозе туда не попало. Но в троицком архиве сохранился черновик завещания или близкая по времени к подлиннику копия, отправленная «господину старцу Филофею троицкому».¹⁰ Грамоту скопировали и в троицких копиях конца XIV—XVII в.¹¹

Иван написал завещание незадолго до возглавленного им похода на вогуличей, который проходил с 25 апреля до 9 ноября 1483 г.¹²

⁹ АСЭИ. Т. I. С. 380; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. II. С. 73; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 156—157; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории чернососного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 74, примеч. 214.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 281, № 12/3724. — Лист в 21,5×29,5 см исписан коричневыми чернилами полууставом. Водяной знак — готическое Р с крестообразной розеткой вверху и раздвоенным внизу (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. № 1468, 1484 г.) — и писанная на обороте, поперек листа (тем же почерком, что и грамота) помета об отправке духовной «господину старцу Филофею троицкому», действовавшему в 70—80-х гг. XV в. (АСЭИ. Т. I. № 410, 441, 450, 615), заставляют отнести этот вариант текста к 80-м гг. XV в.

¹¹ ГБЛ, ф. 303, кн. 521, л. 35—37; кн. 532, 533, Дмитров, № 21; ЦГАДА, ф. 281, Дмитров, № 231/3993, л. 77 об. — Во всех копиях проекта грамоты Ивана Салтыка помещен среди документов на Дмитров. Пометы на обороте грамоты Ивана Салтыка, сделанные почерком XVI в. XVII вв., относили ее к числу документов на Дмитров (ЦГАДА, ГРЭ, по Дмитрову, № 12/3724). В дмитровских землях монастырю действительно принадлежало Спасское, но другое — данное в 1546 г. Иваном Бобровым (*Кашинов С. М.* Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 37—38). Может быть, проект духовной Ивана Салтыка-Травина впоследствии использовался как раз для обоснования прав монастыря на это дмитровское село. Упоминаемое же в завещании с. Спасское на Водозе, по-видимому, располагалось в Марининой слободе Переяславского уезда. Во всяком случае к этому району определенно следует отнести разводную грамоту земле великой княгини Марьи Озерецкой Сколеповской с землями Ивана Травина Сохтенеvской и Могильной, которая также дошла в составе троицкого архива и в XVI—XVII вв. фигурировала в числе документов на дмитровские земли (АСЭИ. Т. I. № 385. С. 280, 619; ГБЛ, ф. 303, № 1008; кн. 532, 533, Дмитров, № 155). Вероятно, эта разводная была взята у Ивана вместе с завещанием на Спасское как документ, определявший границы села.

¹² Восходящий к летописанию третьей четверти XVI в. Шумиловский список лицевого свода сообщает об этом походе под сентябрь 1483 г. По оформленной же в конце XV—начале XVI в. Вологодско-Пермской летописи, поход начался 25 апреля 1483 г. с Вологды, 29 июля был бой с вогуличами, 9 ноября 1483 г. московская рать возвратилась из похода (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 12. С. 215; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 275—276). Версия Вологодско-Пермской летописи, по-видимому, справедлива. С. Спасское по духовной Ивана Ивановича Салтыка-Травина дается «к Троице». Неупоминание игумена наводит на мысль о написании документа в период междуигуменства в монастыре. В конце 70-х—начале 80-х гг. XV в. Филофей, которому была отправлена грамота, о чем есть помета на ее обороте, был троицким келарем (АСЭИ. Т. I. № 441, 501) и в момент написания духовной Салтыка-Травина, видимо, исполнял обязанности игумена (в случае гибели Ивана на него легла бы обязанность довести грамоту до положений юридической формы — организовать ее переписку набею, указать послухов при духовной, запечатать грамоту и «явить» митрополиту). Об

После возвращения из похода у Ивана Ивановича Салтыка-Травина родились сыновья Иван и Семен.¹³ И отпали факторы (боязнь смерти и отсутствие прямых наследников по мужской линии), определившие содержание завещания (раздел вотчин между братом Шарাপом и Троице-Сергиевым монастырем).¹⁴ Таким образом, статей о послухах (и других компонентов удостоверения грамоты) в духовной Ивана Салтыка нет потому, что это — проект завещания.

В целом же для Северо-Восточной Руси статьи о послухах — неотъемлемая составная часть формуляра. Наличный материал позволяет проанализировать статьи о послушестве 29 духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси. Н. Рождественский, А. И. Кранихфельд, П. Полежаев и В. Сахаров высказывали мысль об оформлении русских завещаний в соответствии с византийскими традициями, но не привели конкретных фактов в подтверждение этой гипотезы.¹⁵ По переведенной в конце XIII в. на русский язык Эклоге, при завещании должно было быть 3, 5 или 7 послухов, по Прохирону (переведенному на русский язык примерно тогда же) — 5 или 7 послухов.¹⁶ При 16 завещаниях из 29 было 3, 5 или 7 послухов,¹⁷ при 11 — 4 или 6 послухов.¹⁸ В этом последнем случае нормы Эклоги, возможно, видоизменились под влиянием традиции, представленной

игуменстве Пансия последний раз упомянуто в документе, написанном не ранее 1 сентября 1483 г., а 1 августа 1483 г. в монастыре игуменствовал Яким (АСЭИ. Т. I. № 503). Так что вполне вероятно написание завещания Иваном Ивановичем около 25 апреля 1483 г., когда в Троице-Сергиевском монастыре не было игумена и когда, по версии Вологодско-Пермской летописи, начался поход на вогуличи. Написание же завещания около сентября 1483 г. (когда, по версии Шумиловского списка, начался поход на вогуличи) сомнительно, ибо после 1 августа 1483 г. в Троице-Сергиевском монастыре был уже игумен.

¹³ *Веселовский С. В.* Исследования... С. 156—157; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 78—79.

¹⁴ Высказывалось предположение, что завещание Ивана Ивановича Салтыка-Травина не вступило в силу из-за того, что завещатель в первой половине 1483 г. подвергся опале (*Веселовский С. В.* Исследования... С. 156—157; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы... Ч. II. С. 73; *Зимин А. А.* Холопы на Руси: (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 320). Но Г. В. Абрамович убедительно доказал, что опала Салтыка-Травина постигла не в 1483 г., а в 1489—1500 гг. (*Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1978. IX. С. 192).

¹⁵ *Рождественский Н.* Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839. С. 20; *Кранихфельд А. И.* Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. СПб., 1843. С. 150; *Полежаев П.* О завещаниях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. СПб., 1858, Кн. 1. С. 38—39; *Сахаров В.* О форме завещаний. Варшава, 1878. С. 59—60.

¹⁶ Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. М., 1965. С. 52. — Из Эклоги эта норма перенесена в составленное в первой половине XIV в. Мерило праведное (Мерило праведное. М., 1961. Л. 176 об.—177 об.).

¹⁷ В восьми случаях (АСЭИ. Т. I. № 38, 450, 456, 499, 612; т. II. № 100; т. III. № 404; ДДГ. № 86) при духовной послушествуют трое, в пяти (АСЭИ. Т. I. № 11, 108, 251, 472; т. II. № 168) — пятеро, в трех (АСЭИ. Т. I. № 228; т. III. № 67а, 68) — семеро.

¹⁸ В семи случаях (АСЭИ. Т. I. № 253, 394, 562; т. II. № 87, 474; т. III. № 254, 494) при завещаниях — четыре послуха, в четырех (АИ. Т. I. № 255; АСЭИ. Т. III. № 67, 484; АФЗХ. Ч. II. № 15) — шесть.

новгородскими и псковскими «рукописаниями». Исследователи отмечали наличие множества завещаний XIV—XV вв. со статьей «а на то бог послух и отец мой духовный имя рек». Л. М. Марасинова и Ю. Г. Алексеев правильно подметили, что эта статья характерна для псковских «рукописаний».¹⁹ И при большинстве новгородских «рукописаний» был только один послух, «отец духовный».²⁰ «Отец духовный» послушествовал почти при всех духовных вотчинников Северо-Восточной Руси.²¹ Причем в 11 грамотах из 29 он особой статьей выделен из числа других послухов.²² Отношение к отцу духовному завещателя как к послуху особого рода (восходящее к новгородско-псковской традиции оформления завещаний), прибавление его к положенным по Эклоге 3, 5, 7 послухам — мужам и могли порождать завещания с четным (4, 6, 8) числом послухов. Итак, в 27 из 29 грамот ощущается влияние византийских правил оформления завещаний. При духовной Андриана Ярлика было 9 послухов, при духовной Марьи Кошпиной — 10. В данном случае могло сказаться влияние Пространной редакции Закона судного людем (далее — ЗСП) — русского юридического памятника конца XIII—начала XIV в., в соответствии с которым при завещании должно было послушествовать «не менее седми (пслухов. — Г. С.) от того града, идеже живут, или от то веси, или еще откуда пришли будут».²³ Составленное под вероятным воздействием норм Эклоги и Прохирона (по которым наиболее предпочтительным считалось присут-

¹⁹ Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1895. С. 52; Беляев П. И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897. С. 87—93; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 95, примеч. 12; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 38—39, № 8, 14, 15, 18, 30, 33—35.

²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП). М.; Л., 1949. № 110, 111, 120, 126, 129, 144, 169, 170, 217, 244, 250, 257, 259, 295, 320, 328; Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958. № 7; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 176—177. — При девяти двинских завещаниях было несколько послухов: при четырех грамотах — три, при двух — пять, при двух — четыре, при одном — девять (ГВНП. № 155, 210; 226, 230, 234, 239, 256, 263, 271). В этих завещаниях статья о послухах оформлена так же, как и в грамотах Северо-Восточной Руси. Влияние формуляра завещаний Северо-Восточной Руси на формуляр некоторых двинских «рукописаний» (ср.: Андреев В. Ф. Новгородские духовные XII—XV вв. С. 131—148), по-видимому, связано с низовской колонизацией в Подвине.

²¹ АИ. Т. I. № 255; АСЭИ. Т. I. № 11, 108, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 472, 499, 562, 612; т. II. № 87, 168, 361, 474; т. III. № 67, 67а, 68, 100, 254, 404, 484, 494; АФЗХ. Ч. II. № 15; ДДГ. № 86. — Прямых упоминаний об отце духовном нет в духовных Василия Воронина и Марьи Петелиной (АСЭИ. Т. I. № 38, 228). Но среди послухов при духовной Марьи было три духовных лица, один из которых мог быть ее духовным отцом. «Отцом духовным» Василия Яковлевича был скорее всего троицкий игумен Никон, названный «господином» завещателя.

²² АИ. Т. I. № 255; АСЭИ. Т. I. № 11, 456, 472, 612; т. II. № 67; т. III. № 67а, 68, 254, 484, 494.

²³ АСЭИ. Т. I. № 457; т. II. № 361; Закон судный людем Пространной и Сводной редакции (далее — ЗСПС). М., 1961. С. 17—21, 148.

ствие именно семи, а не трех или пяти послухов), это постановление несло в себе определенную новизну: семь становилось не максимальным, а минимальным количеством послухов. Грамоты Андриана Ярлыка и Марьи Петелиной вполне соответствовали нормам ЗСЛП (не противоречили им и те завещания, при которых было 7 или 8 свидетелей).

При 6 завещаниях великих и удельных князей московского дома XIV—XV вв. было столько же послухов, сколько их положено по Эклоге, — 3, 5, 7;²⁴ в 8 грамотах — на одного больше — 4, 6.²⁵ Юрий Галицкий писал грамоту «перед бояры», количество которых неясно. Новгородско-псковская традиция послушества одного «отца духовного» отразилась в грамоте Елены Ольгердовны. Модифицированное влияние ее проявилось во второй духовной Дмитрия Донского, при котором было 12 послухов (по ЗСЛП, 12 послухов — мирян заменяли попа).²⁶

Итак, на завещания Северо-Восточной Руси наряду с византийскими правилами оформления завещаний²⁷ некоторое влияние оказала и новгородско-псковская традиция послушества «отца духовного». Это говорит о более позднем, чем на Северо-Западе, становлении формулы письменного завещания на Северо-Востоке. На более раннем становлении формулы той группы завещаний, которая упоминала единственного послуха — «отца духовного», настаивал и П. Полежаев, не отметивший, однако, что такого рода завещания XIV—XV вв. характерны для Северо-Западной Руси. Не очень ясна мысль Ю. Г. Алексева, что «свидетельство попа, замещающее все остальные (послушество 3, 5, 7 человек в соответствии с нормами Эклоги. — *Е. С.*), говорит о том, что псковские „рукописания“ — относительно более позднее явление».²⁸ Конечно, псковские (и новгородские) «рукописания» — более позднее явление, чем возникшая в VIII в. византийская Эклога. Но если речь идет о том, что псковские «рукописания» — более позднее явление по сравнению с завещаниями, оформленными в соответствии с нормами Эклоги, то с этим трудно согласиться.

Новгородско-псковская традиция послушества при завещании «отца духовного», возможно, восходит к XII—XIII вв., когда юрисдикция по делам о наследстве частично переходила в руки церковных инстанций.²⁹ Не исключено, что присутствие при завещании «отца духовного» было первичной формой контроля церкви над составлением завещаний.

²⁴ ДДГ. № 1, 17, 20, 21, 57, 80.

²⁵ Там же. № 3, 4, 8, 22, 61, 68, 71, 74.

²⁶ Там же. № 12, 28, 29; ЗСЛПС. С. 145.

²⁷ Подробнее о влиянии византийских правил на оформление завещаний Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. см.: Семенченко Г. В. Византийское право и оформление русских завещаний XIV—XV вв. // Византийский временник. М., 1986. Кн. 46. С. 164—173.

²⁸ Полежаев П. О завещаниях. С. 38—39; Алексева Ю. Г. Псковская судебная грамота... С. 95, примеч. 12.

²⁹ Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 341—342.

По ЗСПП, послухи при завещаниях должны были отвечать определенным социальным (быть свободными) и морально-правовым («ни разбойницы, ни пьяницы, ни татье, ни иная никакая же злобы имуще») требованиями.³⁰ При актах XIV—XV вв. послушествовали служители культа,³¹ родственники контрагентов, инофамильцы (эта группировка послухов, конечно, условна: служители церкви обычно были инофамильцами и по отношению к завещателям, но могли быть и их родственниками; в то же время вероятно не установленные пока родственные связи с завещателем ряда лиц, относимых к инофамильцам). Родственники (братья, дядья, племянники) были послухами при 8 завещаниях,³² сохранивших статью о свидетелях. Принципиальное значение послушества родственников составителя акта выявляется из ст. 85 Судебника 1550 г.: «Кто вотчину продаст, и детям его и внучатам до тое вотчины дела нет, и не выкупити ее им, и братья будут или племянники в тех купчих в послухах, и им и их детям по тому же до той вотчины дела нет и внучатам. А не будет братья в послухах или племянников, и братья или сестры и племянники ту вотчину выкупят. . .».³³ Ст. 85 Судебника регулирует право родового выкупа. Но, думается, она отражает фундаментальный принцип, действующий при любой форме отчуждения родовых земель (в том числе и при передаче их за пределы рода по завещанию). Суть его в том, что прямые потомки (дети) лишались права на отчуждаемые их родителями родовые вотчины, а боковые родственники (братья, племянники) сохраняли право ро-

³⁰ ЗСПП. С. 149.

³¹ Выше отмечалось, что при завещаниях обязательно послушествовал «отец духовный». При многих же грамотах помимо него послухами были и другие служители культа (АСЭИ. Т. I. № 108, 228, 251, 253, 394, 450, 457, 499; т. II. № 87, 361, 474). Этот факт интересно соотнести со ст. 28 «Правосудия митрополичьего»: «Поп, игумен, дьякон, никому не послухи, разве на духовное дело своему брату, игумену, попу, дьякону» (АСЭИ. Т. III. № 8. С. 24). Эта норма в Новгороде, Пскове и на Северо-Востоке Руси могла появиться только ранее первой половины XIV в. К середине XIV в. стабилизируется формуляр новгородских «рукописаний», в которых обязательно упомянут послух-священник (Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 207), а при составленном до 1340 г. завещании Ивана Калиты послушествуют три священника (ДДГ. № 1). Санкционирует послушество попа при мирских делах и составленный в конце XIII—начале XIV в. ЗСПП, приравнивая его к послушеству 12 послухов-мирян (ЗСПП. С. 145). В свете сказанного не исключена версия С. В. Юшкова (Правосудие митрополичье // Летопись занятий Археологической комиссии. Л., 1929. Т. 35. С. 118) о появлении «Правосудия митрополичьего» в конце XIII—начале XIV в. Вероятно и предположение М. Н. Тихомирова (Тихомиров М. Н. Правосудие митрополичье // Археологический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 32—56) и Я. Н. Щапова (Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1978. С. 207—208), что «Правосудие» — памятник права XV в., действующий в Пермской земле — на далекой окраине Руси, специфические условия которой могли породить и специфические правовые нормы. В то же время гипотезы о появлении «Правосудия» в Новгороде в конце XIV—начале XV в. (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. II. С. 25—29) и тем более в конце XV—начале XVI в. (Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 438—440) сомнительны.

³² АСЭИ. Т. I. № 38, 251, 253, 456, 499, 612; т. III. № 67, 484.

³³ Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 171.

дового выкупа лишь в том случае, если не фигурировали в числе послухов при актах на отчуждаемые родовые вотчины. Послужество при этих актах, следовательно, рассматривалось как согласие на отчуждение родовых вотчин и отказ от претензий на них в будущем. По С. В. Бахрушину, С. В. Юшкову, И. И. Смирнову, А. А. Зимину, ст. 85 — нововведение,³⁴ по С. Б. Веселовскому, — старый обычай.³⁵ Окончательно решить вопрос может систематическое источниковедческое изучение всех разновидностей актовых источников XIV—первой половины XVI в. Наблюдения над духовными XV в. дают кое-какие конкретные данные для его уяснения.

По грамоте Василия Иватина после смерти его сына Василия завещанные последнему муромские села Замотренское, Бестуницкое и д. Саванчаковская должны перейти к Троице-Сергиеву монастырю, т. е. отчуждены за пределы рода. Последующее отчуждение вотчин, завещанных другому сыну Василия Иватина Григорию (с. Коглицкое, пустоши Максимовская, Афанасьевская, Ларинская, д. Иговская (купленная у неких Максимки, Дмитрока и Борьки), две части Черного озера (купленные у Дмитрока и Борьки) и «двор за городом» (Муромо?)), не предусматривалось.³⁶ В 1484—1488 гг., опираясь на эту духовную, старцы Троице-Сергиева монастыря добились передачи в монастырь после смерти сына завещателя Василия сел Замотренского и Бестуницкого, которыми пытались овладеть брат покойного Григорий и его племянник Иван Борисович.³⁷ Но не все вотчины Василия оказались у Троице-Сергиева монастыря. Нет данных о переходе в монастырь д. Саванчаковской. 29 марта 1506 г. она упоминается в жалованной Василия III Федору Михайловичу Киселеву в числе деревень, «тянущих» к с. Дуброву Дубровского стана Муромского уезда.³⁸ Следовательно, после смерти Василия Васильевича д. Саванчаковская скорее всего попала к владельцу с. Дуброва. В 1470—1485 гг. это село принадлежало Федору Михайловичу Киселеву, затем оказалось у Федора Матвеевича, продавшего его своему племяннику Игнатию Афанасьевичу Талызину. Последний упоминает Дуброво в духовной 1505—1506 гг. К 29 марта 1506 г. Дуброво снова оказалось у Киселева, а в середине XVI в. от сына Федора это село попало в Троице-Сергиев монастырь. Вместе с ним туда попала и «тянущая» к этому селу д. Саванчаковская.³⁹

³⁴ Бахрушин С. В. Избранная рада Ивана Грозного // Ист. зап. 1945. Т. 15. С. 29—56; Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1940. Ч. 1. С. 275—276; Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Ист. зап. 1947. Т. 24. С. 319—322; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 352—353.

³⁵ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 20.

³⁶ Временник Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. V, смесь. С. 13; Писцовые книги Московского государства (далее — ПКМГ). М., 1872. Ч. 1. С. 873; АСЭИ. Т. I. № 253, 561, 601; Акты Русского государства (далее — АРГ). М., 1976. № 63, 194, 254.

³⁷ АСЭИ. Т. I. № 253. С. 182—183.

³⁸ АРГ. № 16. С. 25.

³⁹ АСЭИ. Т. I. № 398, 547; АРГ. № 2, 16, 92; Лихачев Н. Н. Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. СПб., 1895. Вып. 1, 2. С. 18—21; ПКМГ. Ч. 1. С. 873.

Итак, после смерти Василия Васильевича д. Саванчаковская, по-видимому, досталась одному из владельцев с. Дуброва — Федору Михайловичу Киселеву, Федору Матвеевичу или Игнатию Талызину. Так как Саванчаковская принадлежала Василию Матвеевичу и Василию Васильевичу Иватиным, то ему скорее всего могло завладеть лицо, бывшее с ними в родственных отношениях. Поэтому наиболее вероятным представляется получение Саванчаковской Федором Матвеевичем (который, судя по отчеству, мог быть братом Василия Матвеевича Иватина и дядей Василия Васильевича) или племянником Федора Матвеевича и, следовательно (если верно предположение, что Федор Матвеевич был братом Василия Матвеевича Иватина), племянником Василия Матвеевича Иватина и двоюродным братом Василия Васильевича Иватина Игнатием Талызиным. Федор Матвеевич или Игнатий Талызин, очевидно, завладели д. Саванчаковской как частью наследства их родича. Но почему одному из них досталась часть наследства Василия Васильевича, а претензии Григория Васильевича и Ивана Борисовича были отвергнуты? Не потому ли, что ни Федор Матвеевич, ни Игнатий Талызин не упомянуты в рассматриваемой духовной, тогда как Григорий Васильевич фигурирует в ней как один из сыновей-наследников, а Иван Борисович — как послух при завещании? ⁴⁰

Если именно так и обстояло дело, то в 1484—1488 гг. в практике судопроизводства применен принцип, впоследствии зафиксированный ст. 85 Судебника 1550 г. (прав на отчужденные родовые вотчины лишались прямые наследники и те из боковых родичей, которые были послухами при акте на их отчуждение).⁴¹ Но нельзя сказать, чтобы в конце XV в. этот принцип уже жестко соблюдался. Пример тому — духовная Ионы Михайловича Плещеева (1482 г.). Иона завещал матери четверть московского двора. С. Караулово он отказал в Троице-Сергиев монастырь. Туда же после смерти его матери должно было попасть и с. Нахабинское.⁴² Но Нахабинское поступило в Троице-Сергиев монастырь далеко не сразу после смерти матери Ионы. Вначале оно оказалось у брата завещателя Григория, который был послухом при духовной Ионы и тем самым выразил согласие с постановлением о переходе Нахабинского после смерти матери в Троице-Сергиев монастырь. Григорий завещал Нахабинское детям, у которых оно было куплено их дядей Петром Михайловичем Плещеевым. Он в свою очередь завещал Нахабинское сыну

⁴⁰ АСЭИ. Т. I. № 253.

⁴¹ В 80-х гг. XV в., когда решался вопрос о наследстве Василия Васильевича Иватина, великокняжеская власть начала предпринимать определенные шаги по ограничению иммунитетных привилегий и землевладения духовных феодалов (*Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI в. М., 1974. С. 142). И вполне закономерно, что именно в такой ситуации стали формироваться правовые принципы, которые регулировали возвращение в род ранее отчужденной из него земли. Что касается рассматриваемого случая, то затруднительно точно сказать, была ли д. Саванчаковская (в соответствии с полученным на то разрешением) выкуплена, или же она была присуждена одному из боковых родичей Василия Васильевича Иватина бесплатно.

⁴² АСЭИ. Т. I. № 499. С. 377—378; ПКМГ. Ч. I. С. 146—147.

Василию, и только от него в 1517/18 г. оно, наконец, попало в Троице-Сергиев монастырь.⁴³ Следовательно, в конце XV—начале XVI в. послушество бокового родственника при грамоте на отчуждение той или иной земли не лишило его шансов на ее приобретение в дальнейшем. Значит, зафиксированный ст. 85 Судебника 1550 г. принцип в тот период еще не приобрел характера твердо принятого обычая.

Следующий элемент корроборации — указание на писца грамоты. Известны писцы 29 завещаний. Социальный статус трех из них неясен. Завещания Федосьи, Василия Пляса-Ворохина, Михаила Васильевича Конкова написаны самими завещателями.⁴⁴ 15 грамот писали духовные лица — черноризцы, попы, дьяконы, монастырские слуги, старцы и даже настоятели монастырей.⁴⁵ Шесть грамот писали дьяки и подьячие. Духовную Василия Галицкого писал его брат Иван, а духовную Александра Белеутова — его шурин Александр Беклемишев.⁴⁶ Возможно, к середине XVI в. написание духовной грамоты братом (и вообще родственником), стало столь же принципиальным актом, что и его послушество при грамоте. Ведь это — также форма активного участия в составлении документа, накладывающая ответственность за его выполнение. Но в 30—40-х гг. XV в. Иван Галицкий нарушил написанную им самим грамоту брата, захватив предназначавшееся в Троице-Сергиев монастырь с. Аврамовское.⁴⁷ Так что в первой половине XV в. написание завещания родственником не давало еще гарантии ненарушения им в дальнейшем условий грамоты.

В большинстве новгородских и псковских «рукописаний» нет статьи о писце грамоты.⁴⁸ Это говорит о более слабой разработанности их корроборации. К тому же Прохирон (который, как мы видели, наряду с Эклогой оказал некоторое влияние на формуляр духовных грамот Северо-Восточной Руси) предусматривал наличие в завещании статьи о писце грамоты, значение которого приравнивал к роли послуха.⁴⁹ И в этом была логика: ведь писец, как и послух, принимал

⁴³ АРГ. № 59, 152, 153, 172, 229. — С. Б. Веселовский (Исследования... С. 256) неточен, говоря, что Нахабнское оказалось у Петра Михайловича сразу после смерти Ионы.

⁴⁴ АИ. Т. I. № 255; АСЭИ. Т. I. № 38, 456, 612; т. II. № 168; т. III. № 68.

⁴⁵ АСЭИ. Т. I. № 11, 228, 251, 394, 450, 457, 472, 499, 562; т. II. № 87, 361, 474; т. III. № 100, 484; АФЭХ. Ч. II. № 15. — В шести случаях грамоты определенно писались представителями тех монастырей, в которые отказывались вотчины (АСЭИ. Т. I. № 450, 457, 499; т. II. № 87, 474; т. III. № 484). В данном случае представители монастырей непосредственно контролировали оформление важных для корпорации духовных грамот.

⁴⁶ АСЭИ. Т. I. № 108, 253; т. III. № 67, 67а, 254, 404, 494; ДДГ. № 86; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. 1971. Т. 87. С. 233—235.

⁴⁷ АСЭИ. Т. I. № 108, 111.

⁴⁸ ГВНП. № 111, 120, 126, 129, 144, 155, 169, 170, 210, 217, 226, 230, 234, 244, 250—259, 265, 271, 295, 320, 328; *Корецкий В. И.* 1) Новгородские грамоты... № 7; 2) Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // Археологический ежегодник за 1967 г. М., 1969. № 3; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. № 8, 14, 15, 18, 30, 31, 33—35.

⁴⁹ *Рождественский Н.* Историческое изложение... С. 19—20.

активное участие в составлении духовной грамоты. Идея о близости функций писца и послухов была принята в качестве руководства в митрополичьей канцелярии (где, повторим, духовную утверждали только после опроса послухов и писца) и нашла некоторое отражение в практике оформления духовных грамот.⁵⁰

О более слабой разработанности удостоверительной части завещаний Северо-Западной Руси XIV—XV вв. говорит и отсутствие знаков удостоверения подлинности и юридической силы новгородских и псковских «рукописаний» их составителями (печати владык и владычных наместников — акт удостоверения грамот органами государственной власти, а не самими завещателями) при наличии такого рода знаков в большинстве сохранившихся духовных вотчинников Северо-Восточной Руси XV в.

Из 9 грамот, дошедших в подлинниках, 7 содержат и формулу об их запечатывании печатью (печатами), и сами вислые печати или следы их прикрепления. К завещаниям Есипа Дмитриевича Окнифова и Ивана Юрьевича Патрикеева привешены печати, но в тексте грамот нет статьи об их запечатывании. Здесь печати появились, как мы предположили, под влиянием митрополичьей канцелярии, где утверждались грамоты. Печать была привешена к не дошедшему до нас подлиннику духовной митрополита Алексея.⁵¹ В 12 списках с подлинников есть заключающая текст статья о запечатывании грамоты.⁵² Следовательно, 22 грамоты определенно имели удостоверяющие их печати. Единого способа запечатывания духовных грамот не было. 11 грамот запечатано печатью духовного отца, 1 — печатью душеприказчика,⁵³ 3 завещания — печатью самого завещателя.⁵⁴ Духовную Патрикея Строева запечатали одной печатью все послухи, духовную Степана Лазарева — все послухи и писец грамоты.⁵⁵ В пяти случаях к духовной привешивались печати каждого из послухов, а иногда еще душеприказчиков и писца.⁵⁶ Можно говорить об известной соотнесенности практики запечатывания грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. с нормами Прохирона, по которому либо каждый из послухов прикладывал печать к завещанию, либо все они должны были запечатать грамоту одной печатью. И мы видим, что большинство завещаний, определенно имевших печати, соответствует этому требованию.

В оценке важности печатей как компонента удостоверения духовных, видимо, были колебания. Выше обращено внимание на случаи, когда изъяном посчитали отсутствие или недостаточное количество

⁵⁰ В грамоте Григория Львова статьи о писце грамоты и о послухах следуются (АСЭИ. Т. I. № 472).

⁵¹ АСЭИ. Т. I. № 11, 108, 251, 457; т. II. № 361; т. III, № 28, 67а, 68, 100; ДДГ. № 86.

⁵² АСЭИ. Т. I. № 38, 394, 450, 456, 472, 499; т. II. № 168; т. III. № 67, 404, 484, 494; АФЗХ. Ч. II. № 15.

⁵³ АСЭИ. Т. I. № 394, 450, 456, 472, 499; т. II. № 168, 361; т. III. № 67, 68, 484, 494; АФЗХ. Ч. II. № 15.

⁵⁴ АСЭИ. Т. I. № 38, 251; т. III. № 28.

⁵⁵ Там же. Т. I. № 11; т. III. № 67а.

⁵⁶ Там же. Т. I. № 108, 457; т. III. № 100, 404; ДДГ. № 86.

печатей. Но, возможно, были и случаи безразличного отношения к отсутствию печатей. Нет сведений о запечатывании грамот Федосьи, Геронтия Линяка, Марии Петелиной, Григория Симонова, Василия Иватина, Василия Борисовича Тучко-Морозова, Семена Наквасы.

Правда, почти все эти завещания представлены списками. Но духовная Семена Наквасы дошла в подлиннике (привешенная к этой грамоте печать суздальского епископа Ефимия — знак удостоверения духовной церковными властями, а не лицами, участвовавшими в ее составлении). Очевидно, в XIV—XV вв. печати были сравнительно менее важным компонентом удостоверения духовных Северо-Восточной Руси, чем статьи о послухах и писце грамоты.

По Прохирону, свидетели при грамотах и завещатель должны были расписываться.⁵⁷ Это требование в практике оформления завещаний Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. не соблюдалось. Подлинность частных актов (в том числе и завещаний) примерно с начала XVI в. начала обычно удостоверяться не печатями, а подписями («приложением рук») послухов на обороте грамот.

Удостоверительная часть обычно заключает духовные вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. В ряде завещаний этого времени к статьям и знакам удостоверения грамоты примыкают еще санкция — угроза божьим судом за нарушение условий грамоты и указание на время и место ее составления. П. И. Беляев отметил, что эта санкция часто встречается в завещаниях XIV—XV вв. и скорее всего «характеризует раннее юридическое положение завещательного акта, указывая на относительную слабость его юридической защиты, когда он опирался более на обычай, чем на судебное признание». Гипотеза П. И. Беляева о раннем происхождении формуляра завещаний, содержащих угрозу божьего суда, согласуется с новейшими исследованиями по русской дипломатике: в них установлено, что такого рода санкция характерна для актов XII в., тогда как позднее утверждается статья с более действенной санкцией — «быти от меня в казни». Но П. И. Беляев не отметил, что санкция — типичная составная часть новгородских и псковских «рукописаний». Она обычно есть и в завещаниях князей московского дома.⁵⁸ А в грамотах вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. санкция отсутствует, что свидетельствует об относительно позднем становлении их формуляра. Ни на Северо-Западе,⁵⁹ ни на Северо-Востоке Руси в целом еще не было принято указывать в завещаниях XIV и

⁵⁷ *Рождественский Н.* Историческое изложение... С. 19—20.

⁵⁸ ДДГ. № 1, 3, 4, 8, 12, 21, 29, 61, 68, 89, 100, 104; ГВНП, № 110, 111, 120, 126, 129, 144, 155, 169, 217, 226, 230, 239, 244, 250, 256, 258, 259, 328; *Масинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. № 8, 14, 15, 18, 23, 34, 35; *Корецкий В. И.* 1) Новгородские грамоты... № 7; 2) Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. № 3; *Беляев П. И.* Анализ некоторых пунктов... С. 93—94; *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.) // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 109.

⁵⁹ В. Л. Янин (Новгородская феодальная вотчина. С. 63—66) показал, что даты на завещаниях Астафия Анасьевича и Федора Астафьевича приписаны впоследствии, а не в момент оформления этих «рукописаний».

XV вв. время и место их написания. Наличие сведений о времени и месте составления грамоты Федосьи скорее всего объясняется влиянием на эту грамоту митрополичьей канцелярии, где она утверждалась. Датирована была и духовная Федора Новокшонова.⁶⁰

Сопоставление удостоверительной части и примыкающих к ней статей завещаний вотчинников Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XIV—XV вв. показывает большую архаичность последних. Статьи о послушестве при грамоте единственного послуха — отца духовного завещателя — и санкция (в виде угрозы божьего суда над нарушителем «рукописания») восходят к домонгольскому периоду — к XII—первой половине XIII в. Эти архаичные статьи в формуляре духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. отсутствуют. Основные особенности удостоверительной части завещаний вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. (статьи о послушестве, писце грамоты, порядок запечатывания грамот) восходят к памятникам русского и византийского происхождения (Эклоге, Прохирону, ЗСЛП), появившимся на Руси не ранее конца XIII в.⁶¹ Более позднее становление формуляра частного письменного завещания на Северо-Востоке Руси — одно из проявлений общей заторможенности социально-экономического развития Северо-Восточной Руси вследствие татаро-монгольского нашествия (в минимальной степени затронувшего Северо-Западную Русь).⁶²

Для духовных грамот князей московского дома характерно причудливое переплетение статей архаичных, восходящих, очевидно, к домонгольскому времени (санкций в виде угрозы божьего суда за нарушение духовной), и сравнительно новых, восходящих к концу XIII—началу XIV в. (статей о послухах и писце грамоты). Очевидно, формуляр завещаний князей московского дома складывался не только под влиянием уходящей в домонгольское время традиции написания завещаний князьями, носителями государственной власти, но и под влиянием законодательных памятников русского и византийского происхождения, появившихся на Руси в конце XIII—начале XIV в. Восприимчивость формуляра князей московского дома к новым влияниям объяснима: традиция оформления духовных грамот князьями московского дома не могла сложиться раньше конца XIII—начала XIV в.

Для понимания особенностей происхождения и содержания завещаний XIV—XV вв. нужно учитывать, что подлинность и юридическая сила завещаний удостоверялись не только его составителями, но и высшими церковными инстанциями (митрополичьей или владычной кафедрой). Но это — тема особого исследования.

⁶⁰ АИ. Т. I. № 255. С. 484; АСЭИ. Т. III. № 404.

⁶¹ ЗСЛПС. С. 17—21; Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 234—255.

⁶² Ср.: Горский А. Д. Борьба крестьян за землю... С. 37—38; Зимин А. А. Холопы на Руси. С. 303—305.